

«УТВЕРЖДАЮ»
Проректор по научной работе
А. В. Кубышкин
« 16 » *апреля* 2019 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации о научно-практической ценности диссертации

Уставщиковой Варвары Александровны

на тему *«Рецепция творчества Г. Уэллса в произведениях Л. Лагина»*

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

по специальности 10.01.01. – русская литература

Представленная диссертация выполнена на кафедре русской литературы Национального исследовательского нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, в рамках научной школы доктора филологических наук А. В. Коровашко. Диссертации предстоит пройти ее окончательную оценку в процессе ее защиты в диссертационном совете Д 999.061.03., состоящем из авторитетных филологов трех крупных вузов Нижнего Новгорода. Все это является определенной гарантией научной валидности представленного труда.

Структура и формальное оформление работы соответствуют требованиям ВАК РФ (что весьма немаловажно). Диссертация (кроме Введения и Заключения) состоит из трех глав. Первая глава (33 стр.) посвящена теории вопроса, а также методологии его решения. Вторая глава (29 стр.) рассматривает историю, но теперь уже не теоретических вопросов, а самой российской фантастической литературы конца XIX – начала XX веков.

В соответствии с темой работы В. А. Уставщиковой история ограничена тем же периодом, что и творчество изучаемых авторов. Более того, эта история лимитирована тем же типом фантастики – прежде всего, фантастики социальной. И Г. Уэллс, и Л. Лагин не чуждались и научной фантастики. Но

научность определяла реалии их романов, включая выбор персонажей ученых. Проблематика, а главное – идеология этих книг отнюдь не фокусировалась на научном аспекте жизни как современной, так и будущей. Обоих писателей волновала социальная сторона этих персонажей этих сюжетов, этих научно-технических реалий. Возможно, потому в широкий обиход советских детей был допущен вроде бы мистический герой – старик Хоттабыч, но никак не герои Толкина и не самый тип фантастики-фэнтези. Этим же, скорее всего, объясняется и ввод творений именно Г. Уэллса в советские вузовские программы для филологов.

Отсюда вывод: «новая» социальная фантастика по обе стороны политических границ была не столько рациональной (как пишет диссертантка), сколько секулярной, социоцентричной. А потому она могла быть и оптимистичной, и пессимистичной (утопией или антиутопией). Все равно в центре ее внимания оставались – хорошее или плохое государственное устройство, общественные структуры, кастовая организация и т. п. Оставался мир, который следовало реорганизовать чисто социальными средствами и на строго материалистических началах.

Такой вывод диссертантки гораздо шире, чем сугубо литературные достоинства, которые она находит (небезосновательно!) в творчестве Л. Лагина. Дарование у этого писателя, конечно, было. Но было оно скромным: это типичный литератор второго, если не третьего, ряда. Заслуживает ли он диссертационного рассмотрения? Выдерживает ли он сопоставление с общепризнанным мэтром европейской фантастики?

Вопросы эти сама диссертантка не решает прямо ставить. Между тем, ставить их (и отвечать на них), по нашему мнению, можно и нужно. Новейшее литературоведение все активнее занимается «фоновой» или «массовой» литературой. Как раз в ней отчетливее просматриваются и легче анализируются многие существенные тенденции современности. Жаль, что диссертантка постеснялась привести такую аргументацию (и развернуть ее) в пользу избранного в работе советского автора. Его коллеги и их произведения

зачастую принадлежат к той же «литературе потока». (Не худший ее образец «Аэлита» А. Толстого). Многие из подобных текстов учили позднее в приключенческую литературу для подростков. Однако мотивировать выбор именно такого автора и таких текстов вполне можно.

Сравнение Л. Лагина с Г. Уэллсом, разумеется, мотивировать гораздо сложнее. То, что оба писателя принадлежат, согласно классификации диссертантки, к одному и тому же типу фантастики, доказать также можно, и В. А. Уставщикова делает это в третьей главе (64 стр.) подробно и более или менее убедительно. Более или менее – потому, что разница масштабов и концептуальных, и собственно художественных слишком велика. Оттого Л. Лагин, вопреки разноплановым компаративным усилиям диссертантки, все же выглядит зачастую то ли «маленьким Уэллсом», то ли стилизацией под него, то ли пародией на него. «Русский Уэллс» был бы возможно похвалой для Л. Лагина. «Советский Уэллс» звучит более точно, но менее похвально.

Диссертантка совершенно права, когда указывает на то, что Л. Лагин нигде не копирует британского романиста. Он и не смог бы этого сделать, если бы захотел. Уэллс – ученик многовековой западноевропейской традиции крепкого беллетристического романа с его стремительной нарративностью, увлекательной фабулярностью, безусловным предпочтением, отдаваемым «экшен» над «эмоушен». А если уж говорить об «эмоциях» (весьма относительно сопоставимых с нашей психологической традицией), то их база – крепкая, но достаточно прямолинейная и утилитарная протестантская жтика. Недаром описания внутреннего мира персонажей в тамошней масс-литературной традиции призваны или умилять, или ужасать, но никак не удивлять. Удивлять должна фабула, действия. И наоборот: фабульность массовой советской фантастики, даже в ее вершинных проявлениях, могла быть наивной, почти детской (так сказать, синдром старика Хоттабыча). Но психологически она нередко воспринималась намного более изощренной, ибо за нею стояла традиция если не Достоевского и Толстого, то все же их последователей.

Задача диссертаций – анализировать, а не оценивать. Поэтому вполне оправдано, на наш взгляд, безоценочное сопоставление поэтики и проблематики двух авторов в представленной работе. Однако при столь сильном несовпадении не авторских стилей, но авторских масштабов компаративное исследование двух традиций было бы, думается, труднее, но намного продуктивнее исследования двух писательских индивидуальностей. Оно же обеспечило бы и особую исследовательскую методологию, адекватному особому подходу к заявленной проблеме.

Здесь рецензентам необходимо обратиться к тем критериям «диссертательности» диссертации В. А. Уставщиковой, с которых обыкновенно рецензии начинаются. Речь идет о новизне и актуальности работы, проходящей защиту.

В принципе диссертантка достаточно разносторонне обосновала актуальность своего исследования – и социальную, и собственно литературную. О социальной стороне разговор уже шел выше. Сосредоточимся на стороне литературной.

Интертекстуальность, её механизмы и пределы, действительно изучается ныне очень бурно не только филологами, но и культурологами, и социологами. Однако каждая новая эпоха вносит новые акценты в эту вечную, по сути, проблему. (Ибо даже римляне «интертекстуализировали» греков, а древние германцы кельтов – скажем, в сюжете Тристана и Изольды или Св. Грааля.). Как представляется, современная ситуация заключается в том, что период «развернутых» контактов все более, увы, «сворачивается» – по меньшей мере, в Европе. Первым сигналом в этом смысле стала, вероятно, Первая мировая война, на пороге которой формировался Г. Уэллс. Компаративистика с тех пор все явственней становится контрастивистикой, т. е. наукой о религиях скорее, чем о сходствах.

В этих условиях бесспорно актуально изучение новых целей (а потому и форм) интерлитературной рецепции. Следовательно, актуальна и работа, практически осуществляющая эту задачу.

Также достаточно подробно сформулирована автором новизна ее работы, прежде всего по традиционным критериям. Диссертация дает новые возможности практического применения ее результатов в дидактических целях – как в школе (т. к. Л. Лагин входит в число писателей, рекомендуемых для чтения школьников), так и в вузе (где и фантастическая классика, и ее яркие представители также входят в филологические программы, по крайней мере оппозитивные).

Ново само вовлечение творчества Л. Лагина в мейнстрим современной литературы, а отсюда и современного литературоведения. С другой стороны, по-новому освещается фигура Уэллса-фантаста в компаративном контексте советской фантастики. Новой (или обновленной, ибо уточненной) является интерпретация отдельных произведений, особенно Л. Лагина.

Вместе с тем, диссертационные формулировки относительно новизны работы могли быть более развернутыми и одновременно более осторожными.

Так, диссертантка использует вполне традиционную мотивацию инновационности ее труда: ссылку на то, что критика мало освещала книги Л. Лагина. Литература вопроса этот тезис подтверждает. Но сама формулировка может породить некоторое неприятие. Когда какого-либо писателя мало изучают, это может означать одно из двух: либо критики или литературоведы этого писателя упустили из виду, либо они сочли его творчество не представляющим особого интереса. Во втором случае задача диссертанта, как нам кажется, – не восполнять пробел похвальными эпитетами, а показать новое понимание данного писателя в новом историко-литературном контексте. В значительной степени В. А. Уставщикова так и поступила. Но в формулировки новизны работы внесла эту идею все же недостаточно.

Кроме того, любого писателя одинаково характеризует и то, что в его текстах есть, и то, чего в них нет. При разномасштабности сопоставляемых авторов и текстов второе, возможно, особенно целесообразно. А. Ахматова, не только блистательный поэт, но и тонкий филолог, назвала этот метод

«теневым портретом». Есть подобные лакуны не у одного лишь скромного Л. Лагина, а и у знаменитого Г. Уэллса. За этими лакунами стоит, опять-таки, и их сходство, и их различие. Причем такой подход не вызывает чувство диспропорциональности сравниваемых объектов.

О различиях в нашей рецензии уже говорилось. Из признаков компаративного сходства отметим, в дополнение к В. А. Уставщиковой, «то, чего нет» у обоих писателей. У них обоих нет настоящей тайны и настоящего чуда. Тайна замещается у них фабульной загадкой, чудо – фабульной разгадкой. То и другое жанрово мотивировано сложностью биологического и технологического устройства Вселенной и Социума. Материализм и детерминизм другого подхода и не предполагает. Хотелось бы услышать на сей счет мысли диссертантки в ходе защиты.

Как видно из рецензии, высказанные замечания носят дискуссионный или перспективный характер. Они не ставят под сомнение адекватность диссертации В. А. Уставщиковой требованиям, предъявляемым к подобного рода трудам ВАК Российской Федерации и современной филологической наукой. Цель и задачи, поставленные диссертанткой, в работе выполнены. Совокупность публикаций (включая автореферат) и научных докладов на конференциях разного ранга и географии показывают, что основные положения работы прошли надлежащую профессиональную апробацию. Диссертация написана внятными филологическим языком и не страдает наукообразием. Отдельные стилистические погрешности отмечены на полях.

Все сказанное дает основание заключить, что представленная к защите диссертация В. А. Уставщиковой «Рецепция творчества Г. Уэллса в произведениях Л. Лагина» соответствует паспорту специальности 10.01.01 – Русская литература и требованиям, предъявляемым к работам на соискание ученой степени кандидата наук (п.п. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (в редакции от 28.08.2017 г.)). Автор диссертации Уставщикова Варвара Александровна заслуживает присуждения ученой

степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Отзыв рассмотрен и утвержден на заседании кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», протокол № 4 от 10 апреля 2019 г.

Отзыв подготовил:

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
факультета славянской филологии и журналистики
Таврической академии

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Novikova

М. А. Новикова

Подпись Новикова М.А. удостоверяю

Заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы

факультета славянской филологии и журналистики

Таврической академии

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,

доктор филологических наук, доцент

Л.С. Панютина

15 АПР 2019

С. О. Курьянов

Подпись Курьянова С.О. удостоверяю

Л.С. Панютина

15 АПР 2019